

ДИАЛОГ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Н.В. Петракова

Дальневосточный федеральный
университет,
Владивосток, Россия

nv_petrakova@mail.ru

В статье рассматриваются отношения между диалогом и интересубъективностью. Проводится мысль о подчиненном характере этих отношений, выявляется ряд принципиальных отличий между понятиями. Интересубъективность и диалог соотносятся как возможность и действительность, как пространство и действие в этом пространстве, как вневременность и временность, как целое и часть. Пространство интересубъективности фиксируется как трехслойное: экзистенциально-феноменологический, культурно-символический и институциональный уровни интересубъективности разворачиваются каждый в своей логике – логике жертвы, логике дара и логике обмена.

Особенность диалога усматривается в том, что он акцентированно находится на культурно-символическом уровне интересубъективности. Экзистенциально-феноменологический и институциональный уровни остаются за пределами зоны диалога. Первый – по причине отсутствия внимания к такому необходимому инструменту, как речь. Второй – по причине отсутствия субъекта, к которому эта речь обращена. Отношения на нормативном или институциональном уровне интересубъективности близки к субъект-объектным.

В то же время слои интересубъективности неоднородны, при анализе выявляется их фрактальный характер. Каждый уровень интересубъективности подобен всей интересубъективности в целом. Так, в диалоге смыкаются три логики: экзистенциальная логика выражения, символическая логика понимания и институциональная логика позиционирования, которые коррелятивны логике жертвы, дара и обмена. Моменты, когда диалог перекрывает собой всё пространство интересубъективности, представляют собой скорее исключения из правил, однако именно в такие моменты он реализует себя полностью.

Ключевые слова: диалог, интересубъективность, уровни интересубъективности, трехуровневая структура интересубъективного отношения.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.2-34-42

Введение

В данной работе мы хотим привлечь внимание к различению понятий диалогичности и интересубъективности. Идея интересубъективности востребована именно потому, что в современном мире человек оказывается погруженным в коммуникативные сети, которые в своей значительной части могут быть определены как сети интересубъективных отношений. В связи с этим становится ясным, что столь уважаемое ранее понятие диалога оказывается

слишком узким для того, чтобы охватить всю палитру отношений Я – Другой. Диалог рассматривается с учетом многослойности пространства интересубъективности и пониманием того, что в нем самом смыкаются три разные логики: экзистенциальная логика выражения, символическая логика понимания и нормативная логика позиционирования.

В работе [5] мы дали обоснование следующим положениям: пространство интересубъективности (далее – ИС) неодно-

родно, оно имеет слоистую структуру. Первый уровень ИС – экзистенциально-феноменологический. Он проявляется как вчувствование в другого или эмпатия. Отношения матери и дитя, взаимоотношения влюбленных относятся к этому уровню. Основным принципом общения здесь выступает жертвенность. Событие взаимодействия осуществляется напрямую, без посредства чего бы то ни было. Второй уровень – культурно-символический. Главный инструмент коммуникации здесь – родной язык. Взаимодействие Я – Другой уже опосредованно, не происходит напрямую. В этом случае мы имеем дело с культурой, и взаимодействие на этом уровне происходит в логике дара. Третий слой – институционально-нормативный, ему соответствует экономическое или политическое взаимодействие, выражаемое формулой $S1 \rightarrow s1 = s2 \rightarrow S2$ (двойное опосредование). Это ситуация обмена, или товарно-рыночные отношения. Мы подвергли деструкции понятие интерсубъективности, указав на слоистость его структуры и различение этих слоев в современной теории коммуникации. Однако деструкция требуется не только на уровне внутрисубъективном, но и на уровне отделения одного понятия от другого, так как в современной философии часто смешивают интерсубъективность и диалог, общение и коммуникацию. Кроме того, существуют разночтения в определениях данных понятий. Уточнение понятийно-категориального аппарата и различение смысла синонимов является задачей этой статьи.

Сделаем предварительную разметку понятий интерсубъективности и диалога. Исходной для понятия диалогичности является позиция М. Бахтина. Диалог представляется здесь как способ познания и существо-

вания, необходимый для постижения человеческого бытия. Он предполагает взаимодействие рационально мыслящих субъектов, ставящих перед собой целью поиск истины, существование которой не вызывает у них сомнения. В этом проявляется смысл диалога, который есть одновременно поиск гармонии противоречий между двумя субъектами [1, с. 230]. Мартин Бубер, работая в той же парадигме, вносит определённые детали в определение данного понятия и выделяет два типа диалога: «Я–Ты» и «Я–Оно». «Я–Ты» – это любовный разговор, который может быть не только между человеком и человеком, но и между человеком и природой, человеком и духовным миром. Отношение «Я–Оно» – безлично, утилитарно, соответствует механистической логике [2, с. 109].

Однако, несмотря на глубокий анализ, проведенный данными исследователями сути диалогического отношения, его понимание в XX веке обросло весьма произвольными и далекими друг от друга по смыслу интерпретациями, а также смешивается с понятием интерсубъективности, что говорит о невыявленности философских оснований и функциональной важности обоих понятий. Для прояснения ситуации последуем совету Хайдеггера и спросим у языка.

В переводе с греческого «диалог» означает «разговор» и имеет характер говорения, «голосового озвучания в словах» [7, с. 89]. Следовательно, диалог с необходимостью предполагает наличие речи. Следовательно, можно поспорить с М. Бубером о том, возможен ли диалог с природой. С Духовным миром проще: нет сомнения в том, что возможен диалог с автором произведения, даже ушедшим в мир иной. Автор, как и читатель, – говорит. Хайдеггер

называет эту способность «первой систематической герменевтикой повседневности бытия-друг-с-другом» [7, с. 164].

Сам факт необходимости разговора ментально отсылает нас к культурно-символическому уровню ИС и вынуждает признать диалог лишь частью общего поля ИС-отношения, а именно действием в этом поле. «Диалог не преддверие к действию, а само действие, – пишет Бахтин, – он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть... – не только для других, но и для себя самого» [1, с. 80].

Однако диалог, по Бахтину, не погружен в герменевтическую традицию. Бахтин, в отличие от Хайдеггера, совершенно не учитывает и даже исключает герменевтические основания диалога.

Диалог – действие, направленное на понимание Другого; действие, обязательно осуществляемое в словах, то есть с помощью инструмента, коим является язык. Разница между ИС-отношением и диалогом в необходимости для диалога речи очевидна, но часто не учитывается исследователями. Интерсубъективность путают с некой «интерактивностью», расширяя диалог до ИС сразу же, как только вместо объекта рядом с субъектом появляется другой субъект.

Однако следует помнить, что современная философия отказывается от концепта «субъект» в декартовом смысле, заявляет о «смерти субъекта» и как стратегию выхода из кризиса идентификации предлагает смещение акцента со сферы текстологической на сферу коммуникационную. На первый план выходит поле интерсубъективных отношений. Расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-

субъектных отношений – посредством Другого.

Для осуществления диалога наличие Другого необходимо, но явно недостаточно. В диалоге Другой должен заговорить. «Заговори, чтобы я тебя увидел», – через века шепчет нам Сократ.

Но диалог не может состояться и без интерсубъективного понимания. Понимание является конституирующим принципом как диалога, так и интерсубъективности. Однако это разные понимания. Говоря языком Хайдеггера, уразумение интерсубъективности лежит единственно в схватывании ее как возможности. «Понимание – есть полагание сущего в перспективе его возможностей» [7, с. 88]. Возможность лежит выше действительности. Герменевтическое понимание (диалогическое) и понимание сущего (интерсубъективное) – это два разных типа понимания, при различении их мы воочию видим переход от антропологического понимания к онтологическому.

Интерсубъективность, таким образом, выступает пространством возможностей, и именно на пространственности её делает акцент М. Бубер, вводя термин сферы «между» Я и Ты [2, с. 53]. Хайдеггер, говоря о пространственности, выражает «Я» через «здесь», «Ты» через «вот», «Он» через «там». На этом же настаивает С. Жижек, определяя ИС-отношение как реальное «место» [4]. В этом контексте понятие ИС-отношения как пространства возможно коррелятивно понятию виртуальности. И именно по этой причине диалог не может перекрыть его полностью. Рассуждая далее, мы вынуждены задать вопрос, что представляет собой данное пространство возможного? С. Ячин настаивает, что ИС-отношения так же реальны, как реальны за-

коны, управляющие сущим: «...правильно понимать отношения как регулятивный принцип того, что обретает свою действительность в рамках их потенций» [9, с. 44]. Отношения – это место, в котором реализуются законы сущего. Так, например, вступающие в брачные отношения (обратим внимание на глагол, однозначно отсылающий нас к пространственности), имеют возможность развернуть свои действия друг по отношению к другу тем или иным образом, не возможным и не доступным для всех остальных. Акцентировка внимания на проблеме «между» (inbetweenness) свойственна большинству современных исследователей.

Итак, интерсубъективность – это пространство возможного. Диалог – действие в этом пространстве. ИС представляет собой почву, на которой произрастает диалог, на которой он укореняется. Диалог – это всегда действие, практика, всегда некое событие, ситуация. При этом в диалоге возможны и неслышание Другого, и противоречия, и упрямство, и уход. Но во всех этих случаях, в том числе и в случае отворачивания, – это есть способ со-бытия, или даже само-бытие. В поле интерсубъективности явлен онтологический диалогический принцип бытия. Он содержит в себе все структурные особенности последнего, представляя собой феномен взаимодействия двух субъектов, происходящий в сфере языка и характеризующийся активным выявлением смыслов, порождаемых в данном процессе, т. е. пониманием и передачей их Другому, иначе говоря взаимодействием.

Вопрос-ответная структура диалогического отношения является «механизмом», который способствует проведению смыслов, порождаемых интерсубъективной реальностью, в действительность. Следова-

тельно, интерсубъективность можно определить как трансцендентальное основание диалога.

Следуя формальной логике, можно утверждать, что диалог и интерсубъективность находятся в ситуации подчинения: диалог входит в объем ИС-отношения, но не исчерпывает его. Иными словами, диалог относится к интерсубъективности как часть к целому. Проанализируем то, что остается в поле ИС-отношения, если диалог вывести оттуда. Для этого обратимся к предложенной нами структуре [5].

Выстраивая структуру ИС, мы выделили три слоя: экзистенциально-феноменологический, культурно-символический и институциональный [5]. Каждому из уровней соответствует своя логика: логика жертвы, логика дара и логика обмена. Лапидарно авторы обозначают эти три уровня как мотивацию, коммуникацию и организацию.

Диалог, таким образом, акцентированно находится на культурно-символическом уровне или в области истинной коммуникации, совершаясь в логике дара. Бескорыстный дар не предполагает ответа. Если ожидание такового присутствует, мы можем говорить о вмешательстве логики обмена в не свойственную для нее область и, как следствие, о третьем уровне интерсубъективности – институциональном [8].

Однако ситуации такого рода встречаются в действительности, что-то заставляет людей отдаиваться, отвечать даром на дар. Отсюда следует, что выделенные нами слои не однородны. Их также можно расщепить – подвергнуть дисперсии, увидеть фрактальный принцип их состава: каждый уровень ИС подобен всей ИС в целом. Иными словами, каждый уровень трехуровнев. И на среднем, культурно-символическом уровне ИС, на уровне собственно

коммуникации, в зоне диалога, мы можем увидеть три разные логики: экзистенциальную логику выражения, символическую логику понимания и институциональную логику позиционирования.

Логика выражения коррелирует с ситуацией жертвенного дара. Ситуация «мать и дитя», безусловно, жертвенна, однако это не исключает подлинного любовного диалога между участниками события с того момента, когда дитя становится способно к говорению. Однако именно жертвенность будет выступать экзистенциальным основанием такого диалога. Признак жертвы – ее необратимость в отличие от дара, всегда предполагающего взаимность.

Другим основанием диалога будет открытость. Истина значит несокрытость, по Хайдеггеру. Истина значит искренность. Мы не можем вступить в диалог, если не открыты, не разомкнуты навстречу Другому. Диалог не будет диалогом, не станет даром, если мы неискренни. Обман моментально отбросит нас к обмену, в область товарно-рыночных отношений, и если не совсем выбросит из зоны диалога к институционально-нормативному уровню ИС, то точно переместит на уровень уже не дара, но дарообмена, логика которого коррелирует с логикой позиционирования.

Диалог возможен, начиная со второго – культурно-символического уровня, где обязательным образом присутствует посредник – речь. Однако за фразами всегда стоит слой невыразимого. Первый – экзистенциально-феноменологический уровень ИС – остается весь за пределами собственно диалога. Отметим характерные черты данного слоя.

Понятие интерсубъективности впервые тематизирует Гуссерль. Он переводит проблему существования Другого в

проблему опыта вчувствования в Другого, в смысловое содержание «Я». Гуссерль включает взаимное бытие монад друг для друга, когда не только каждая монада осознается как член некоего сообщества, но и все они предстают как субъекты возможного взаимодействия, образуя то, что он называл «открытым сообществом монад или интерсубъективностью» [3]. Открытый горизонт мира людей, по Гуссерлю, является «царством открыто-бесконечных возможностей подступа к нему, которые по большей части остаются нереализованными»... Онто-феноменологический, или экзистенциальный, уровень ИС проявляется как чувствование другого или эмпатия.

Отношения матери и дитя, как сказано выше, взаимоотношения влюбленных можно отнести к этому слою ИС. Общение осуществляется напрямую: $S1 \rightarrow S2$, где $S1$ и $S2$ – участники коммуникативного акта [6].

Кроме того, в онтофеноменологический уровень ИС включены разные модусы расположения, называемые аффектами, чувствами и настроениями. Хайдеггер определяет настроение как исходный бытийный образ присутствия, где оно разомкнуто себе самому до всякого знания и желания и вне рамок их размыкающего диапазона [7, с. 118].

Физические проявления человека: поведение, жесты, даже восклицания вне слов – всё это остается за бортом диалога, но принадлежит интерсубъективности как сфере «между» Я и Ты.

Целью переживания опыта Ты на первом уровне ИС становится достижение изначальной гармонии «начала и истока» человека, единства с бытием вплоть до парадоксальной «потери разума», состояния «без ума» на новом уровне осознания

в экстазе наивысшего эротического переживания. Диалог не перекрывает этот уровень ИС.

Однако и третий уровень ИС-отношений нельзя соотносить с зоной диалога, хотя главное условие – наличие разговора, использование речи – вроде бы выполнено. Но разговор в сценарии «начальник–подчиненный» очевидно трудно назвать диалогом. Дело в том, что ИС-отношение на этом слое – не совсем интерсубъективное. Не субъект с субъектом вступают здесь в контакт, скорее Другой выступает для Я как объект предметного мира. Другой – не цель, но средство. Кризис общения в начале XXI века объясняется расцветом индивидуализма и прагматизма, которые дали начало изолированному, вечно защищающемуся субъекту. Человек, оторванный от природы, наделенный безмерной свободой, рассматривает ближних с точки зрения расчета, он завистлив и мстителен, потому естественным состоянием общества считает состояние гражданской войны.

Основатель теории обмена Дж. Хоманс, разрабатывая нормативный уровень коммуникации, понимает ИС-отношение как обмен деятельностью между двумя субъектами. Обмен – вот организующий принцип такого общения, ИС-отношение на третьем слое протекает в логике, сильно отличающейся от логики дара, свойственной действительному Диалогу. Институциональное общение подчиняется определенным правилам: правилу успеха, стимула, ценности, агрессии и др. Ничего подобного нет на культурно-символическом уровне, к которому причастен Диалог. Хоманс критикуется за механицизм, что характерно для институционально-нормативного уровня ИС в целом.

Интерсубъективность, таким образом, более общее понятие, включающее в себя диалог. Это доказывается и тем фактом, что сначала мы понимаем, схватываем смысл, а лишь потом слышим модуляции голоса говорящего. «При специальном слушании речи Другого, мы тоже сначала понимаем сказанное, точнее, заранее уже бываем вместе с другими при сущем, о котором речь. Фонетически произносимое, мы, наоборот, ближайшим образом не слышим. Даже там, где говорение неотчетливо или даже язык чужой, мы слышим сначала непонятные слова, а не разнообразие акустических данных» [7, с. 192].

Можно либо слушать модуляции звуковых волн, либо понимать, «схватывать» смысл. Более того, мы способны понимать даже тогда, когда слышим «молчание». Однако, поскольку нет факта «говoreния», этот феномен нельзя причислить к диалогу. Молчание – лишь возможность его. Оно было characterized Хайдеггером как сущностная возможность речи. Присутствие экзистенциально определено со-бытием и тогда, когда другой фактически не наличествует и не воспринят. Так же как с молчанием, обстоит дело с зовом совести. Напомним определение Хайдеггера: совесть – есть зов – вызов самости к ее способности быть. «Понимающее слышание зова (совести) отказывает себе в диалоге не потому что захлестнуто “темной силой”, подавляющей его, но потому что неприкрыто усваивает себе содержание зова... <...> поэтому модус артикулирующей речи, принадлежащий к воле-иметь-совесть, есть умолчание» [7, с. 334].

Целое и часть, возможность и действительность, пространство и действие, которое происходит в этом пространстве, – в таких отношениях находятся понятия интер-

субъективность и диалог. Продолжим анализ и укажем на еще одно различие между ними.

Как и любое действие, диалог предполагает время, он относится ко времени, разворачиваясь в нем. В диалоге мы можем обратиться к памяти прошлых диалогов или ожиданиям будущих. Сама возможность такого обращения ко времени и перемещения в нем содержится в поле ИС-отношения.

«Временность есть основание человеческого бытия», – говорит Хайдеггер, напроочь исключая из своей онтологии понятие вечности. За это он не раз подвергался критике со стороны современных ученых, призывающих «вернуть вечность» и указывающих на то, что именно стремление преодолеть время есть экзистенциальное основание человеческого бытия. И достигает этого преодоления временности человек именно при переходе от субъективности к intersубъективности. ИС как чистая возможность или сингулярность содержит в себе время в потенции. Время, не разделенное на прошлое, настоящее и будущее, содержится здесь, сжатое в точку, но в любой момент готовое разделиться... Intersубъективность и диалог в совокупности образуют некий пространственно-временной континуум, который актуализируется в процессе диалогического действия, но и застывает в тот же миг, оказываясь совершенным

В идеале вся intersубъективность реализуется в диалоге. Можно сказать, что диалог в лучшие свои моменты выходит из берегов, за рамки самого себя, почти полностью перекрывая пространство ИС, сливаясь с ним, совпадая. В такие моменты он достигает максимальной полноты, а после опять возвращается в свои пределы... Похожее соотношение у понятий «субъектив-

ность – intersубъективность». Субъект выходит за границы себя – экзестирует (экзестера – выход за пределы себя, навстречу Другому). Выходя за пределы себя, он в тот же миг оказывается в ситуации intersубъективности. «Субъективность – intersубъективность» – пульсирующее единство-разность. «Диалог – intersубъективность» – такое же пульсирующее расхождение-слияние.

Так же как у человека в младенчестве есть тысяча возможностей прожить свою жизнь, у диалога есть бесконечное число возможностей случиться. Но, так же как человеческая жизнь, жизнь диалога разворачивается одним-единственным способом, а развернувшись, завершается. Intersубъективное отношение как поле, в котором протекают взаимодействия, напротив, завершиться не может, ибо само есть чистая возможность.

Таким образом, мы выявили, что intersубъективность и диалог соотносятся как целое и его часть, как возможность и действительность, пространство и временность.

Пространство intersубъективности мы зафиксировали как трехслойное: экзистенциально-феноменологический, культурно-символический и институциональный уровни intersубъективности разворачиваются каждый в своей логике: логике жертвы, логике дара и логике обмена соответственно. Особенность диалога усматривается в том, что он акцентированно находится на втором – культурно-символическом – уровне intersубъективности. Экзистенциально-феноменологический и институциональный уровни остаются за пределами зоны диалога. Слои intersубъективности, как показал анализ, тоже неоднородны, выявлен фрактальный принцип их состава.

Каждый уровень интерсубъективности подобен всей интерсубъективности в целом. Так, в диалоге смыкаются три логики: экзистенциальная логика выражения, символическая логика понимания и институциональная логика позиционирования, которые коррелятивны логике жертвы, дара и обмена соответственно. Моменты, когда диалог перекрывает собой всё пространство интерсубъективности, представляют собой исключения из правил, однако именно в такие моменты он реализует себя полностью.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1963. – 361 с.
2. Бубер М. Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – 592 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления. – М.: АСТ, 2000. – 752 с.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
5. Петракова Н.В. Структура интерсубъективного отношения в современной теории коммуникации // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2016. – № 4 (37). – С. 99–103.
6. Петракова Н.В. Проблема интерсубъективности в современной теории коммуникации // Пространство повседневности: границы и смысл: тезисы докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда. – Екатеринбург: УрФУ, 2015.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
8. Ячин С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 33–42.
9. Ячин С.Е. Аналитика человеческого бытия: введение в опыт самопознания. Систематический очерк. – М.: Инфра-М, 2014. – 217 с.

DIALOGUE IN THE INTERSUBJECTIVITY SPACE

N.V. Petrakova

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

nv_petrakova@mail.ru

The paper deals with the relationship between dialogue and intersubjectivity. The idea of the subordinate nature of these relations is noted, a number of fundamental differences between concepts are revealed. Intersubjectivity and dialogue are correlated as possibility and reality, as space and action in this space, as timelessness and temporality, as whole and part. The space of intersubjectivity as three-layered is fixed: the existential-phenomenological, cultural-symbolic and institutional levels of intersubjectivity are unfolding each in its logic: the logic of the victim, the logic of the gift and the logic of exchange, respectively.

The peculiarity of the dialogue is seen in the fact that it is accentuated on the second – cultural-symbolic – level of intersubjectivity. The existential-phenomenological and institutional levels remain outside the zone of dialogue. The first is due to the lack of attention to such an essential tool as speech. The second is due to the absence of the subject to whom this speech is addressed. Relations at the normative or institutional level of intersubjectivity are close to the subject-object relationship.

At the same time, the layers of intersubjectivity are not homogeneous, the analysis reveals a fractal principle of their composition. Each level of intersubjectivity is similar to all intersubjectivity in general. So, in a dialogue, three logics are combined: the existential logic of expression, the symbolic logic of

understanding and the institutional logic of positioning, which are correlative to the logic of sacrifice, gift and exchange. Moments, when the dialogue overlaps the whole space of intersubjectivity, are rather exceptions to the rules, but it is at such moments that it realizes itself completely.

Keywords: dialogue, intersubjectivity, levels of intersubjectivity, structure of intersubjective attitude.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.2-34-42

References

1. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1963. 361 p.
2. Buber M. *Dva obraza very* [Two ways of faith]. Moscow, AST Publ., 1999. 592 p. (In Russian).
3. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya; Kartezianskie razmysleniya* [Logical research. Cartesian reflections]. Moscow, AST Publ., 2000. 752 p. (In Russian).
4. Zizek S. *The sublime object of ideology*. London, Verso, 1989 (Russ. ed.: Zhizhek S. *Vozvysbennyi ob'ekt ideologii*. Translated from English. Moscow, Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 1999. 234 p.).
5. Petrakova N. Struktura intersub'ektivnogo otnosheniya v sovremennoi teorii kommunikatsii [Structure of intersubjective relations in modern theory of communication]. *Vestnik Evrazijskoi akademii administrativnykh nauk – Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 2016, no. 4 (37), pp. 99–103.
6. Petrakova N. [The problem of intersubjectivity in the modern theory of communication]. *Prostranstvo povsednevnosti: granitsy i smysl* [The space of everyday life: boundaries and meaning]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2015. (In Russian).
7. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and Time]. Tübingen, Niemeyer, 1953 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Translated from German by V.V. Bibikhin. Khar'kov, Folio Publ., 2003. 503 p.).
8. Yachin S.E. Vozvrashchenie k daru: kontury refleksivnoi kul'tury dara v sovremennom mire [Return to the gift: contours of the reflective culture of the gift in the modern world]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2014, no. 9, pp. 33–42. (In Russian).
9. Yachin S.E. *Analitika chelovecheskogo bytiya: vvedenie v opyt samopoznaniya. Sistematicheskii ocherk* [The human existence analytics: an introduction to the experience of self-discovery. A systematic study]. Moscow, Infra-M Publ., 2014. 217 p.